

ФАСТНАХТШПИЛЬ «СТРАНСТВУЮЩИЙ ШКОЛЯР В РАЮ» ГАНСА САКСА И ЕГО ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

На фоне широко отмечаемого в Германии 500-летия Реформации нельзя не обратиться к творчеству ее яркого приверженца, знаменитого нюрнбергского мастерзингера Ганса Сакса. Особое место в его творчестве занимают фастнахтшпили (дословно «масленичные игры») — короткие пьесы бытового характера, высмеивающие пороки общества и исполненные житейской мудрости. Цель статьи заключается в рассмотрении некоторых фонетических и лексико-грамматических особенностей известного фастнахтшпиля «Странствующий школяр в раю» (*Der fahrend Schüler im Paradeiß*, 1550) в сравнении с его переводами на русский («Школяр в раю: антирелигиозная пьеса», перевод Е. Г. Полонской, 1930) и английский (*The Travelling Scholar from Paradise*, перевод У. Лейтона, 1910) языки. Написанные книттельферсом (*Knittelvers*), старинным немецким ломаным стихом, распространенным в Германии XVI века и позднее подвергшимся жесткой критике, фастнахтшпили представляют подчас неразрешимую задачу для переводчика с точки зрения передачи как стихотворной формы произведения, так и его лексико-грамматического и стилистического своеобразие. Особое внимание в статье уделяется переводу названия произведения, его ритму и рифме (традиционному выравниванию при переводе в правильный ямб характерных для оригинала силлабических сдвигов, неравномерному использованию парной рифмовки), передаче лексических особенностей текста (в частности, речевой характеристике персонажей, использованию лексем, относящихся к разным стилевым регистрам), а также некоторым синтаксическим чертам подлинника и его англоязычной и русскоязычной версий. В том числе в статье предпринимается попытка проанализировать общий стиль переводов и сделать вывод об успешности передачи в них национально-культурной специфики позднесредневековой немецкой пьесы.

Ключевые слова: Ганс Сакс, книттельферс, художественный перевод, ранне-нововерхнемецкий язык, фастнахтшпиль.

D. J. NIFONTOVA

St. Petersburg State University

HANS SACHS'S SHROVETIDE PLAY "A SCHOLAR IN PARADISE" AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN AND ENGLISH

Against the backdrop of the five hundredth anniversary of the Reformation widely celebrated in Germany it is impossible not to turn to the creative heritage of one of its most ardent adherents, the famous Nuremberg Meistersinger Hans Sachs. Shrovetide plays (*Fastnachtspiele*) as short dramas depicting the scenes from everyday life and filled with wisdom occupy a special place in his work. The purpose of this article is to

review some basic phonetic, lexical and grammatical features of the famous Shrovetide Play “Der fahrend Schüler im Paradeiß“ (1550) in comparison with its translations into Russian (“A Scholar in Paradise: an Anti-religious Play”, translated by E. G. Polonskaya in 1930) and into English (“The Travelling Scholar from Paradise”, translated by William Leighton in 1910). Written in Knittelvers, an old German broken verse common in 16th-century Germany and later heavily criticized, Fastnachtspiele is sometimes an insoluble task for a translator from the point of view of conveying both the poetic form of the work and its lexical-grammatical and stylistic originality. Special attention is paid to the translation of the title of the work, its rhythm and rhyme (traditional alignment of the syllabic shifts typical for the original text into the correct iamb during translation, uneven use of paired rhyming), transmission of the lexical features of the text (in particular, the speech characteristics of characters, the use of lexemes related to different style registers), as well as to some syntactic features of the original and its English and Russian versions. In particular, the article attempts to analyze the general style of translations and draw a conclusion about the transfer of the national and cultural specifics of the late medieval German play in them.

Keywords: Hans Sachs, Knittelvers, literary translation, Early New High German, Shrovetide plays.

1. Введение

Несмотря на всеобщее признание Ганса Сакса «наиболее значительным бюргерским поэтом Германии XVI в.», поднявшим немецкую литературу на новую высоту [5, с. 198], на сегодняшний день практически не изученными остаются проблемы перевода его многочисленных произведений. Целью настоящей статьи является сравнительный анализ переводов написанного Гансом Саксом в 1550 году «Фастнахтшпиля для трех действующих лиц: Странствующий школяр в раю» (Ein faßnachspiel mit drei Personen: Der fahrend Schüler im Paradeiß) [III] на русский и английский языки. Выбор материала неслучаен, так как оба перевода представляют собой первые переводы произведения и созданы примерно в одно время (первая треть XX века). Перевод на русский язык — «Школяр в раю: антирелигиозная пьеса» — был выполнен известным советским переводчиком Е. Г. Полонской в русле поэтических традиций Н. С. Гумилева, М. Л. Лозинского и К. И. Чуковского и впервые напечатан в 1930 году отдельным изданием в серии «Школьный клуб» [I], а позднее выпущен в сборнике избранных произведений Ганса Сакса [II]. Англоязычная версия фастнахтшпиля «The Travelling Scholar from Paradise» принадлежит Уильяму Лейтону (William Leighton), известному английскому издателю, автору и переводчику, знатоку европейской средневековой поэзии и драмы, и была издана в Лондоне в 1910 году [IV].

2. Особенности перевода фастнахтшпиля на русский и английский языки

Анализ переводов фастнахтшпиля как одного из жанров драматического искусства выводит настоящее исследование в область поэтического перевода, основной чертой которого «по сравнению с прозаическим текстом является его относительно свободный характер», ведь «строгая композиция и условность поэтической речи практически не дают возможности найти прямые соответствия», причем «речь идет не только о языковых соответствиях, но и о передаче метра и рифмы» [3, с. 114–115].

Рассуждая о главных задачах переводчика поэтического текста, И. С. Алексеева называет сохранение:

- 1) размера и стопности;
- 2) каденции (мужских, женских, дактилических окончаний);
- 3) типа чередования рифм (смежная, перекрестная, опоясывающая);
- 4) звукописи;
- 5) количества и места в стихе лексических и синтаксических повторов [1, с. 139].

Решение этих и без того сложных задач в случае работы над фастнахтшпилем осложняется еще и тем фактом, что перед нами поэтический текст отдаленной эпохи, с целым рядом фонетических, лексических и синтаксических особенностей, передача которых на любом языке представляет собой подчас нерешаемую проблему. Как и большинство фастнахтшпилей, «Странствующий школяр в раю» написан книттельферсом (Knittlervers) — этот говорной стих был распространен в Германии в XVI веке и позднее получил презрительное название «дубовый» или «ломаный» за смежную парную рифмовку, произвольное расположение, как правило, четырех ударений в одной строфе и хаотичное чередование женских и мужских окончаний. Как отмечает М. Л. Гаспаров, сдвиги ударений, характерные для книттельферса, «в обычных русских переводах не передаются, и стих выравнивается в правильный ямб» [2, с. 143]. Ямб выбирается в качестве основного метра и для перевода книттельферса на английский язык.

Различия между переводами и оригиналом бросаются в глаза уже при прочтении названия. Для анализа точности его передачи

обратимся к содержанию пьесы. Б. И. Пуришев считает данное произведение ярким примером «дурацкой доверчивости» [5, с. 199] крестьян, чьи глупость и наивность регулярно высмеиваются автором. К крестьянке, горюющей об умершем муже, приходит странствующий школяр. Пользуясь недалекостью женщины, которая не различает слов *Paris* 'Париж' и *Paradeiß* 'парадиз, рай' и думает, что путник вернулся не из Парижа, а из рая, он обещает ей отвезти туда ее бедствующему мужу одежду и ценные вещи. В погоню за хитрым вором бросается второй муж крестьянки, но школяру удается обмануть и его, увести их коня и выставить дураками перед всей деревней.

И. С. Алексеева пишет о том, что заголовки — это особый феномен: они коррелируют с точки зрения передаваемой информации с основным текстом и оформлены соответствующим образом (в заглавии научного текста на первый план выходит когнитивная информация, в рекламном — эмоциональная, в художественном — эстетическая). При этом «заглавия особым образом сочетаются с основным текстом: по принципу игры слов, метафорически, цитатно и т. п.». [1, с. 141–142]. Для фастнахтшпилей, коротких пьес бытового характера, которые предназначались преимущественно для показа в тавернах и на площадях, был характерен следующий прием: один из актеров выходил из толпы и громко объявлял о начале представления, сообщая его название и перечисляя действующих лиц. Таким образом, название выполняло не только номинативную, но и предварительно ориентирующую функцию [6, S. 492]. В оригинале оно содержит указание на жанр произведения и количество персонажей: *Faßnacht spiel mit 3 Personen: Der farendt Schuler im Paradeiß* [III, S. 105] 'Фастнахтшпиль с тремя действующими лицами: Странствующий школяр в раю'. При переводе названия Е. Г. Полонская пользуется приемом лексического опущения — *Школяр в раю* (опущено *fahrendt*, в английском переводе *travelling*). При этом прилагательное *fahrendt* 'странствующий' в данном случае несет определенную смысловую нагрузку, так как затрагивается важный для Средневековья мотив странничества клириков, ученых и студентов, создавших отдельный вид поэзии — «поэзию вагантов» (*Vagantendichtung*) [7]. Вполне вероятно, что переводчик опускает прилагательное в целях сохранения ритма: *Школяр в раю*. Таким образом, в заглавии сохраняется размер, которым переведен основной текст.

В английском переводе *travelling* остается, но В. У. Лейтон заменяет немецкий предлог *im* 'в' на *from* 'из' вместо *in* 'в', тем самым от-

ступая от оригинала. Возможной причиной данной замены может быть желание переводчика сблизить название фастнахтшпиля с его содержанием, ведь действие происходит не в раю, а на земле, и школяр обманывает крестьянку, говоря, что пришел именно из рая.

Весьма важным представляется тот факт, что первое издание перевода Е. Г. Полонской, вышедшее в ранние советские годы [1], содержит указание на идеологическую направленность произведения — подзаголовок *Антирелигиозная пьеса*. И хотя Ганса Сакса можно по праву причислить к критикам церкви своего времени, столь открытой характеристики фастнахтшпиля в оригинальном названии, как и в более позднем издании (накануне распада СССР), не было.

Обратимся непосредственно к тексту оригинала и его переводам на примере начальных строк пьесы (см. пример (1)).

Ломаный, неритмичный стих оригинала, как нельзя более точно отражающий речь простой крестьянки, которая тоскует по умершему мужу, за счет выровненного метра звучит в русском и английском переводах плавно и лирично. Однако в переводе Е. Г. Полонской ощущение силлабического сдвига (основного признака книттельферса) создается за счет неизбежного в русском языке пиррихия (*вздыхаю — вспоминаю, человек достойный — благочестив*), придающего данному отрывку дополнительный оттенок задумчивости и грусти. Этот эффект также усиливается в русской версии за счет замены парной рифмовки на опоясывающую: *жив — покойный / достойный — благочестив*. Характерно, что в английском переводе отхождений от парной рифмовки нет на протяжении всего текста, притом что в тексте оригинала они допускаются, но не совпадают позиционно с переводом на русский.

В целях сохранения рифмы и ритма, а также адаптации перевода под современного читателя авторы переводов вынуждены существенно отходить от текста оригинала. Так, например, значительно менее просторечными и, как следствие, менее аутентичными выглядят переводы за счет выбора переводчиками возвышенной лексики: *Ach wie manchen seufftzen ich senck — My breath is burdened with my sighs; vergangner zeit — by-gone days; Da noch Lebet mein erster Man — О той поре, когда был жив / Мой первый муж, теперь покойный; er war einfeltig und frumb — в русском дословно он... был кроток и благочестив, а в английском модуляция (развитие значения) — He was most kind. Honest in thought, and calm in mind*. Выбор прилагательного *parsimonious* из ряда возможных синонимов

Ганс Сакс	Перевод Е. Г. Полонской	Перевод В. У. Лейтона
<p><i>Die P e r i n gehet ein und spricht:</i> <i>Ach wie manchen seufftzen ich senck,</i> <i>Wenn ich vergangner zeit gedenck,</i> <i>Da noch Lebet mein erster Man,</i> <i>Den ich ye lenger lieb gewan,</i> <i>Dergleich er mich auch wiederumb,</i> <i>Wann er war einfeltig vnd frumb.</i> <i>Mit jm ist all mein frewdwt gestorben,</i> <i>Wie wol mich hat ein andr erworben.</i> <i>Der ist meimb ersten gar vngleich,</i> <i>Er ist karg und wil werden Reich,</i> <i>Er kratzt vnd spardt zusam das gut,</i> <i>Hab bey jm weder frewdwt noch mut</i> [III, S. 105].</p>	<p>Крестьянка (входит) <i>Увы, как часто я вздыхаю,</i> <i>Когда о прошлом вспоминаю,</i> <i>О той поре, когда был жив</i> <i>Мой первый муж, теперь покойный.</i> <i>Ах! он был человек достойный,</i> <i>Был кроток и благочестив!</i> <i>Его любила я сердечно,</i> <i>И он меня любил, конечно.</i> <i>Теперь всему пришел конец, —</i> <i>С другим пошла я под венец,</i> <i>Но прежнему он не под стать:</i> <i>Скупой, богатым хочет стать</i> [II, с. 396].</p>	<p>Wife <i>My breath is burdened with my sighs,</i> <i>While thoughts of by-gone days arise</i> <i>When my first husband lived.</i> <i>Ah me. He loved me dearly, tenderly.</i> <i>As I loved him! He was most kind.</i> <i>Honest in thought, and calm in mind:</i> <i>With him the gladness of my life</i> <i>Died out though I became a wife</i> <i>Again, and try, through weary days.</i> <i>To love my man. Alas, always</i> <i>Remembrance comes to mar my plan!</i> <i>He is not like my first good man:</i> <i>This one is parsimonious, stern,</i> <i>Anxious more money still to earn</i> [IV, p. 223].</p>

(*greedy, frugal, stingy*) к *karg* ‘скупой’ продиктован, по всей видимости, именно желанием достичь максимальной выразительности и сохранить ритм, ведь, согласно этимологическому словарю, первое упоминание этой лексемы в английском языке датируется 1590 годом, то есть сорока годами позднее написания «Школяра». При этом изначально *parsimonious*¹ означало ‘бережливый, расчетливый’, значение ‘скупой’, ‘жадный’ закрепилось лишь в XVIII веке. С другой стороны, весьма удачным представляется выбор глагола *mar*² ‘испортить’: несмотря на отсутствие в оригинальном тексте фразы, соответствующей *Remembrance comes to mar my plan!*, данный глагол, восходящий к общегерманскому *marzjan, позднее древневерхненемецкому *marren* и широко распространенному в среднеанглийский период *merren*, в полной мере способствует воссозданию атмосферы времени Ганса Сакса.

Существенным изменениям подвергается и синтаксис оригинального текста, сохранение которого при переводе поэзии, как правило, практически невозможно. В случае сравнения текста отдаленной эпохи и его переводов на современные языки анализ осложняется и проблемой пунктуации: тексты Сакса в результате пусть и незначительной редакторской правки издателем Эдмондом Гётце содержат некоторые знаки препинания. В русской и английской версиях мы видим уже современную пунктуацию, в частности обилие запятых, вводящих однородные члены предложения, тире и двоеточия, маркирующие сложноподчиненные связи, восклицательные знаки, передающие настроение говорящего. За счет этого тексты перевода выглядят более эмоциональными и театрализованными, а также более современными.

Будучи привычным для фастнахтшпиля метром, книттельферс выполнял еще одну важную функцию — характеристики персонажей. Б.Л. Пастернак, автор многих переводов произведений Ганса Сакса, пишет: «Там, где честный сапожник рисует чуждую ему породу симулянта-дурачка, он подчеркивает это искусственное простодушие искусственно-тупоумными приемами стихотворца (повторным задалбливанием именно неловкой, а не какой другой, рифмы до совершенной тошноты, несоблюдением последовательности в чередовании мужских и женских окончаний строки и другими)» [4, с. 383].

¹ <https://www.etymonline.com/search?q=parsimonious> (дата обращения: 20.01.2021).

² <https://www.etymonline.com/search?q=mar> (дата обращения: 20.01.2021).

Так, например, школяр-обманщик, вороватая натура которого вызывает у Сакса не больше симпатии, чем глупость и жадность крестьян, радуется своей добыче, произнося монолог с множеством тех самых нарушений рифмы и ритма, о которых говорит Пастернак (см. пример (2)).

В первых шести строках оригинала мы видим только мужскую рифму и лишь в последних двух — женскую: *мм мм мм жж*, также неритмичны строки *Het ich der einfeltig Pewrin mehr / Die mich schickt in das Paradeiß / Auff eim Roß mir eilendt nach reiten*. В русском переводе Е. Г. Полонская сохраняет неправильное чередование рифм (только наоборот: *жж мм мм мм*) и компенсирует невозможную при правильном ямбе негативную характеристику персонажа за счет ритма лексическими средствами (жаргонизмами и просторечными лексемами *пофартило*, *добра*, *привалило*, *сбегать*). Разительно отличается от оригинала и от русской версии перевод на английский язык. Радостное восклицание школяра в начале монолога *Wol hat gewo^elt das glu^eck mir heudt* — *Да, мне сегодня пофартило!* переводится фразой *How Fortune bids my star arise!* (дословно ‘Как судьба повелевает моей звезде взойти!’), патетичность которой напоминает скорее высказывания трагических персонажей Шекспира, творчеством которого был вдохновлен У. Лейтон, нежели речь хитрого школяра. Однако нельзя не отметить стремление английского переводчика все же передать некоторые черты разговорной речи, выраженные эмоциональными междометиями: *Botz angst* — *Odd-bobs!*; *ach* — *alas* и другие.

3. Выводы

Проведя сравнительный анализ оригинального и переводных текстов фастнахтшпиля Г. Сакса, мы пришли к выводу, что слог английской версии является более литературным, возвышенным. У. Лейтон, придерживаясь традиции классической английской поэзии, по всей видимости, и не ставил перед собой цель максимальной передачи лингвокультурной специфики оригинала. Благодаря обилию слов и выражений, относящихся к возвышенному стилю речи, а также использованию эмоционального синтаксиса текст его перевода обладает высокой эстетической ценностью. Его, несомненно, отличают благозвучие и красота. Перевод же на русский язык значительно ближе к оригиналу. За счет умелого использова-

Ганс Сакс	Перевод Е. Г. Полонской	Перевод У. Лейтона
<p><i>Der Farendt s ch u l e r kummet mit dem puerlein und spricht:</i></p> <p><i>Wol hat gewoelt das glueck mir heudt,</i> <i>Mir ist geratn ein gute beudt,</i> <i>Das ichs den Winter kaum verzehr.</i> <i>Het ich der einfeltig Pewrin mehr,</i> <i>Die mich schickt in das Paradeß!</i> <i>Wehr schadt, das sie all weren weiß!</i> <i>Botz angst, ich sie dort ein von weiten</i> <i>Auff ein Roß mir eilendt nach reiten</i> [III, S. 111].</p>	<p><i>Школяр (входит с узелком)</i></p> <p><i>Да, мне сегодня пофартило!</i> <i>Добра немало привалило!</i> <i>Побольше этаких бы вдов,</i> <i>Для каждой сбегать в рай готов!..</i> <i>Ой, ой! Кто это там ко мне</i> <i>Несется рысью на коне?!</i> <i>Что если это муж второй</i> <i>Задумал встретиться со мной?</i> [II, с. 402].</p>	<p><i>Scholar</i></p> <p><i>How Fortune bids my star arise!</i> <i>Puts in my hand unlooked-for prize!</i> <i>Now I can live the winter through —</i> <i>And there are other women, too,</i> <i>Foolish as this, who will as well</i> <i>Believe each tale that I may tell —</i> <i>Others, like this, not over-wise.</i> <i>Who will send me to Paradise —</i> <i>Odd-bobs! Here comes one riding fast;</i> <i>Behind the hedge my pack I cast</i> [IV, p. 231–232].</p>

ния фонетических и ритмических особенностей языка-реципиента переводчику удалось передать динамичность и дерзость исходного текста, что отсутствует в переводе на английский язык. При этом — за счет правильности ритма — русскоязычная версия фастнахтшпиля является более легкой для восприятия, чем текст оригинала. Неоспоримым представляется тот факт, что оба перевода являются полноценными, законченными произведениями и, хотя и по-разному, но одинаково успешно знакомят читателя с творчеством Ганса Сакса.

Источники

- I. Сакс Г. Школяр в раю: антирелигиозная пьеса / пер. Е. Г. Полонской. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 36 с. (Школьный клуб).
- II. Сакс Г. Школяр в раю / пер. Е. Г. Полонской // *Брант С. Корабль дураков; Сакс Г. Избранное* / пер. с нем.; редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Виппер и др.; предисл. Б. Пуришева; коммент. Е. Маркович, А. Левинтона. М.: Художественная литература, 1989. С. 396–408.
- III. *Sachs H. Faßnachtspiel mit 3 Personen: Der farendt Schuler im Paradeiß. 1550 // Sämtliche Fastnachtspiele: in 4 Bdn. Bd. 2: Dreizehn Fastnachtspiele aus den Jahren 1539–1550 von Hans Sachs / hrsg. von E. Goetze. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1881. S. 105–115.*
- IV. *Sachs H. The Travelling Scholar from Paradise // Merry Tales and Three Shrovetide Plays / transl. by W. Leighton. London: David Nutt, 1910. P. 223–238.*

Литература

1. *Алексеева И. С.* Текст и перевод: Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. 184 с.
2. *Гаспаров М. Л.* Очерки истории европейского стиха. 2-е изд., доп. М.: ФОРТУНА ЛИМИТЕД, 2003. 272 с.
3. *Науменко О. В.* Особенности поэтического перевода // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: междунар. сб. науч. статей. Н. Новгород: Альба, 2014. С. 113–118.
4. *Пастернак Б. Л.* Люди и положения: Повести. Статьи. Драматические произведения. М.: Эксмо, 2008. 640 с.
5. *Пуришев Б. И.* Ганс Сакс // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 3 / отв. ред. Н. И. Балашов. М.: Наука, 1985. С. 197–199.
6. *Epping-Jäger C.* Die Inszenierung der Schrift: Der Literalisierungsprozess und die Entstehungsgeschichte des Dramas. Stuttgart: Metzler und Poeschel, 1996. 560 S.

7. Naumann H. Gab es eine Vaganten-Dichtung? // Der altsprachliche Unterricht. 1969. Bd. 12, Heft 4. S. 69–105.

References

1. Alekseeva I. S. *Text and Translation: Theoretical Issues*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 2008, 184 p. (In Russian)
2. Gasparov M. L. *Essays on the History of European Verse*, 2nd ed., suppl. Moscow, Fortuna Limited, 2003, 272 p. (In Russian)
3. Naumenko O. V. Features of Poetic Translation. *Aktual'nye voprosy perevodovedeniia i praktiki perevoda: mezhdunar. sb. nauch. statei*. Nizhny Novgorod, AŦba Publ., 2014, pp. 113–118. (In Russian)
4. Pasternak B. L. *People and Positions: Stories. Articles. Dramatic Works*. Moscow, Eksmo Publ., 2008, 640 p. (In Russian)
5. Purishev B. I. Hans Sachs. *Istoriia vseмирnoi literatury*, in 9 vols., vol. 3, ed. by N. I. Balashov. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 197–199. (In Russian)
6. Epping-Jäger C. *Die Inszenierung der Schrift: Der Literalisierungsprozess und die Entstehungsgeschichte des Dramas*. Stuttgart, Metzler und Poeschel, 1996, 560 p.
7. Naumann H. Gab es eine Vaganten-Dichtung? *Der altsprachliche Unterricht*, 1969, vol. 12, book 4, pp. 69–105.

Нифонтова Дарья Евгеньевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Daria J. Nifontova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: d.nifontova@spbu.ru

SPIN-код: 1837-8136; AuthorID: 0000-0002-8104-4042; ResearcherID: C-2934-2016